

ЧАСТЬ I

ОТ КРЕМЛЯ
ДО МАЙДАНА

ФОРМАТ. НАРОД ПРАВИТ

«За нее, наверное, посадили...»

Апрель 2014-го. Еду на встречу с Ходорковским. Не видел его одиннадцать лет. Я-то был на свободе, а он сидел в тюрьме. Вспомнит меня? Узнает? Интересно, он сильно изменился? Остались ли на его лице следы от ножа Кучмы? Нашелся ведь в читинской колонии зэк-однофамилец экс-президента Украины. «Кучма напал на Ходорковского», – кричали новостные ленты. Сам заключенный Кучма рассказал, что высокопоставленные заказчики требовали ударить ножом в глаз. Не дрогни его рука, можно только представить, какими были бы заголовки.

А если он постарел, выцвел, иссяк, смогу ли я скрыть свое потрясение?

Ходорковский первым заметил меня в конференц-зале и, улыбаясь, подошел. Мы обнялись. Нет, он почти не изменился. Взгляд по-прежнему острый и ясный, лишь чуть больше поседели и немного поредели волосы.

– Савик, помните ту программу? Ведь меня из-за нее, наверное, посадили... – были его первые слова.

Все эти годы я думал о той программе, но не ожидал, что он – тоже. Как можно забыть эфир, во время которого Россия поняла, что перед ней стоит новый лидер, способный повести за собой.

Май 2003-го. Крупнейший телеканал России, НТВ – «Независимое телевидение», на котором выходит одна из самых рейтинговых программ – мое политическое ток-шоу «Свобода слова». Сегодня впервые в студии – Михаил Ходорковский. Я долго уговаривал его стать

нашим гостем, а он каждый раз отказывался, аргументируя, что ток-шоу не его жанр. И, наконец, согласился.

Мы обсуждали российско-американские отношения. Жителей России хлебом не корми – дай помериться боеголовками. Только такие темы могли вернуть многомиллионную «армию» российских дачников от грядок к экранам.

На этот раз аудитория состояла из военных и гражданских. Семьдесят пять бывших военнослужащих, в мундирах, обвешанных наградами, и семьдесят пять гражданских – мужчин и женщин разных возрастов.

Михаил Ходорковский вышел к центральному микрофону. Не успел он открыть рот, как кривая доверия людей в форме упала до нуля. Все 100% военных не хотели слышать либерального олигарха. Я смотрел на их лица и понимал: они видят перед собой врага. Гражданские доверяли ему не намного больше, примерно 20%, в основном женщины, очарованные молодым, красивым и богатым.

Ходорковский не пытался заигрывать с народом и говорил вещи, которые большинству аудитории было больно слышать. Он считал, что Россия должна понимать свое сегодняшнее место в мире и не комплексовать перед мощью Соединенных Штатов. Наоборот, лучше пойти за ними, как это делает Европа. России нужно время, чтобы возмужать и окрепнуть. Тогда она сможет побороться за лидерство.

Ходорковский смотрел людям прямо в глаза, покорял своей харизмой, уверенностью и свободой. И случилась фантастическая вещь: к концу своего пятнадцатиминутного эпизода он получил абсолютное, 100%-ное доверие всех ста пятидесяти зрителей, военных и гражданских. («Свобода слова» на НТВ тогда состояла из четырех таких эпизодов, во время которых каждый главный герой получал на вступительное слово и полемику с оппонентами не больше пятнадцати минут.)

Я был рад тому, что на глазах миллионов зрителей среди либералов родился новый мощный лидер, и сказал об этом Ходорковскому в гримерке: «Вот видите, Михаил Борисович, вы не хотели приходить, а уходите национальным лидером».

В Кремле пришли к тому же выводу, но без радости, а с тревогой, и поступили, как обычно: совместили «полезное с приятным» –

убрали возможного конкурента, а заодно отобрали и поделили его собственность.

Все эти годы меня не покидало чувство, что «та» программа стала ключевой причиной ареста Ходорковского, но только через одиннадцать лет в Киеве он сам подтвердил мои ощущения: «За нее, наверное, посадили...»

Как могла телевизионная программа стать настолько влиятельной всего за два года после ее выхода в эфир? В российскую «Свободу слова» стремился попасть каждый политик. Власть пыталась контролировать появление «неудобных» героев, но у нее это плохо получалось. Факты, озвученные в эфире, подхватывали другие СМИ. Почти каждое ток-шоу становилось политическим событием.

В чем же причина такого влияния? Ответу коротко: во всем «виноват» Формат. Именно с большой буквы, потому что в нем заключается главный секрет успеха всех моих политических ток-шоу.

Рождение Формата

Быстрые и стремительные «роды» Формата под давлением сурового дедлайна на НТВ в пятницу, 7 сентября 2001 года, не сказались негативно на здоровье «ребенка». Вопреки опасениям начальства, он креп от пятницы к пятнице. «Мать» – двадцатисемилетняя режиссер-постановщик Вера Кричевская, рыжеволосая, голубоглазая, худощавая, отчего казалась выше своего «нижемоделного» роста, неутомимая, талантливая, с не соответствующей ее утонченному виду страстью к матерному управлению людьми на съемочной площадке.

Мы познакомились в студии футбольного ток-шоу «Третий тайм» в 1999 году. Тогда мне очень нравилась моя «двойная» жизнь в журналистике: политика на радио «Свобода», футбол – на НТВ. Мы с Верой быстро сблизились. Может, потому что я был ее абсолютным антиподом: сорокасемилетний седеющий кареглазый брюнет, кругловатый, отчего казался еще ниже моего «нижемоделного» роста, и я совсем не умел командовать матом.

Как бы там ни было, за короткое время я заставил Веру, которая, как большинство петербургских снобов, знала только, что «Зенит»

играет в футбол, уважать эту «самую важную из всех неважных вещей на земле»¹.

Так Вера очутилась в одной компании с ценительницей футбола Майей Плисецкой, которую я однажды убедил принять участие в нашем ток-шоу, а Вера к ее приходу в студию смонтировала потрясающий клип, где блистательно объединила великие жесты Плисецкой, Пеле и Марадоны под музыку Чайковского, Щедрина и Бизе.

Второй этап нашей совместной творческой жизни с Верой Кричевской начался после моего перехода на НТВ в начале 2001-го. Я стал ведущим программы «Герой дня», которая выходила в прямом эфире сразу после семичасовых новостей. Это был довольно простой и одновременно очень сложный формат: интервью «один на один» на главную тему дня. Сложность его заключалась в том, что после самых популярных в России новостей было трудно удерживать аудиторию, а рейтинги давали считанные ньюсмейкеры: Зюганов, Жириновский, Немцов, Хакамада, Явлинский.

Мне было скучно. Кричевской – еще скучнее: драйва нет, одно и то же изо дня в день. Неудивительно, что из сотен «героев дня», прошедших через нашу студию за полтора года, запомнился лишь один из первых – Алексей Миллер, избранный в среду, 30 мая 2001 года, председателем правления «Газпрома». Не мы пригласили его в эфир, а администрация президента Путина попросила руководство НТВ записать с ним интервью. Меня же руководство попросило поехать в головной офис «Газпрома», не умничать и сделать красивую программу. Миллер впервые выступал на федеральном канале, к счастью, в записи. Глава «Газпрома» не поразил нас своим красноречием. На мои вопросы он отвечал односложно «да» или «нет». Нам с Верой пришлось вложить весь наш креатив, чтобы сделать выпуск «Героя дня» «красивым» и интересным. Рейтинг получили низкий. Но бывают ведь в жизни удивительные события без причинно-следственной связи: буквально через день-два руководство НТВ сообщило нам, что к началу нового сезона в сентябре мы должны подготовить политическое ток-шоу, которое будет выходить в

¹ Цитата знаменитого немецкого футболиста Франца Беккенбауэра.

прямом эфире по пятницам. «Героя дня» не отменили, а оставили четыре программы в неделю.

Вера сразу заявила: нужно придумать такой формат, какого не было и нет в России. Я предложил близкое мне название «Свобода слова», не зная, что программу с таким же названием уже ведет на петербургском РТР вдова Анатолия Собчака, Людмила Нарусова. Руководство НТВ тоже оказалось не в курсе, и предложение было принято. (Поэтому когда украинский канал *ICTV* оставил себе название «Свобода слова» после того, как я перешел на «Интер», я подумал: «Бог дал, Бог взял...» Вот только название «Третий тайм» воровать не надо было.)

Как-то Вера ворвалась в мой кабинет с торжествующим лицом: «Вот!» – и положила на стол репортаж английской газеты *The Daily Telegraph* о предвыборной кампании лейбористской партии. Ее лидер, действующий премьер-министр Тони Блэр, использовал технологию фокус-групп для оттачивания своих предвыборных тезисов. Группу из двадцати пяти избирателей штабные социологи отбирали по четырем критериям: полу, возрасту, региону и типу проживания (город или село). Полученная модель полностью отражала демографию Великобритании. В общем, Британия в миниатюре. Тони Блэр выступал перед людьми, которых оснастили хитрым приспособлением. Одной рукой они держали пульт, а другой – крутили на нем колесико: вправо – им нравится тезис премьер-министра, влево – нет. Результаты в виде кривых сразу отражались на мониторе. Технология сработала идеально – Тони Блэр победил.

Я слышал, что американцы уже давно использовали фокус-группы для тестирования голливудских сценариев или для изучения вкусов в пищевой промышленности, но мне и в голову не приходило применить их в ток-шоу.

– Может, сделаем то же самое в студии? – предложила Кричевская. – Мы могли бы показывать изменение общественного мнения прямо во время программы.

– Вера, в Англии аудитория всего двадцать пять человек, почти засекреченные исследования, а мы – большое шоу в прямом эфире со студией в сто пятьдесят зрителей. Думаете, возможно создать такую систему, чтобы люди видели все результаты на экране в режиме

реального времени? – тогда мне казалось, что эта идея – нечто из области фантастики.

– Я знаю талантливых ребят, программистов в Питере, посоветуюсь с ними, – в голосе моего режиссера не проскользнуло ни единой нотки сомнения.

– Хорошо, допустим, у нас получится создать технологию опроса в прямом эфире. А люди? Как собрать фокус-группу, которая один в один отразит демографию России? – говорил во мне пессимист. – От Владивостока до Калининграда почти двенадцать часов разницы.

– А мы пообщаемся со службой гостевых редакторов НТВ, – не сдавалась Вера Кричевская.

Уже через три дня у нас на руках были ответы: питерские компьютерные технари, изучив опыт Тони Блэра, обещали в течение месяца, максимум полутора, создать персональный пульт и программное обеспечение обработки информации от каждого зрителя в студии. Предложения гостевых редакторов были менее научными, но не менее действенными. Они обратились во все институты усовершенствования кадров, которые сохранились в Москве в бесчисленном множестве еще с советских времен, изучили списки командированных и пришли к выводу, что вполне возможно сформировать аудиторию, отражающую электорат России.

Итак, будущий Формат был «зачат».

Я понимал, что мы сможем в какой-то мере соблюсти два из четырех базовых социологических критерия отбора зрителей: пол и регион. Но не получится обеспечить в студии правильное соотношение возрастных групп и жителей больших, малых городов и сел – на курсы повышения квалификации не направляли, к примеру, пожилых сельян. Более того, данные для матрицы аудитории, которая точно описывает электорат России, нам придется брать из последней переписи населения 1989 года. А там еще и в помине не было массовой миграции людей и выросшей смертности после распада Советского Союза.

Проблем – уйма, однако я чувствовал, что мы наткнулись на что-то совершенно новое и неизведанное.

Социологическая выборка аудитории, может, и далека от совершенной, но я надеялся, что изменение общественного мнения в прямом эфире заставит зрителей смотреть программу и, главное, думать.

В то же время всю эту социологическую кухню придется доступно описывать каждую пятницу совершенно неподготовленному зрителю. Я начал изучать социологию – и уже к сентябрю мог сам читать лекции.

– Может, мне вести программу в образе хипповатого американского профессора эпохи Вудстока? – обратился я к Вере, вспомнив свои студенческие годы в Монреале.

Она живо подхватила:

– Тогда нужен высокий длинноволосый блондин с бородой или хотя бы с усами. У вас все наоборот. Поэтому вам больше подойдет образ европейского буржуа, эдакого денди со страстью к женщинам, искусству и социологии.

Жесткая диета, тренажерный зал, итальянский парикмахер Альфонсо и увлечение модой приблизили меня к этому образу настолько, что два глянцевого журнала – *GQ* в Москве и *VIVA!* в Киеве – присудили мне премии как «самому красивому мужчине года», чем немало меня удивили.

Мало кто понимал, что основной секрет популярности моей программы кроется именно в Формате. Главный герой «Свободы слова» – это Народ, который правит всем происходящим на площадке. А ведущий является беспристрастным и безупречно компетентным модератором. Аудитория играет даже более важную роль, чем электорат на выборах. Она оценивает каждое слово и жест политика и показывает отношение к нему всей страны.

Формат «убивает» программу «Время»

Еще в период подготовки к рождению Формата я понимал: главное во время дискуссии в ток-шоу – выбор темы и столкновение взглядов, а не наличие *VIP*-персон. Прежде всего, нужно детально расписать для себя конфликтующие позиции, которые помогут раскрыть ту или иную тему, и только потом на эти роли приглашать «актеров», то есть политиков.

Великий режиссер Юрий Любимов, с которым мы познакомились еще в 1984 году в Болонье, когда он ставил «Преступление и наказание», научил меня первому и главному принципу драма-

тургии: режиссер должен знать, что хочет получить от каждого персонажа, только так можно найти нужного актера. Ведь таких, как Владимир Высоцкий, способных сыграть любую роль, – единицы. (Интересно, что на роль Раскольников в постановке для итальянцев Любимов выбрал Ремо Джироне, сыгравшего босса мафии Тано Карриди в сериале «Спрут».)

Телевизионное политическое ток-шоу в прямом эфире – это пьеса для миллионов зрителей. Здесь нет заранее прописанных ролей, зато известны черты характера и позиции героев. Настоящие политики их выражают по-разному, в зависимости от темы и оппонентов. Поэтому искусный ведущий – это еще и режиссер на сцене, который может «писать» сценарий в прямом эфире. Тогда главные герои, даже не подозревая, обнажат суть событий. А яркий конфликт в студии поможет объяснить ее миллионам зрителей на доступном языке.

Мы с Верой решили, что в нашем ток-шоу будет четыре роли первого плана, «исполнители» которых станут «главными героями» программы и займут места в креслах. Ролей второго плана – в два раза больше, и отводятся они экспертам, политикам, исследователям и мыслителям с самыми разными взглядами. Их мы посадим на стулья.

В то время на итальянском телевидении были популярны политические ток-шоу, которые выходили в прямом эфире с площадей разных городов. Герои сидели на сцене или в первых рядах среди приглашенных, а по периметру вокруг места съемки собиралась толпа любопытных.

С одной стороны, зрителей, сидевших дома на диване, привлекала красивая вечерняя картинка старинной площади, которая особенно хорошо смотрелась сверху, а с другой – их не покидало внутреннее напряжение: любое слово политика могло спровоцировать толпу на непредсказуемые действия. Конечно, ничего никогда не происходило, но мизансцена работала. Как бы приблизить нашу аудиторию к такому эмоциональному состоянию? На этот вопрос я долго не находил ответа. Но наконец осенило: нужно заставить главного героя встать с кресла и посмотреть народу в глаза, как происходит на площадях во время предвыборных кампаний. Ведь в нашей студии политик сможет не только слышать народ, но и ви-

деть его реакцию на большом экране. Вот эта непредсказуемость и будет держать в напряжении миллионы зрителей. Так появился центральный микрофон.

Руководство НТВ выделило нам примерно восемьдесят минут чистого времени в эфире: между новостями, которые заканчивались в половину восьмого, и сериалом в девять вечера. Каждый главный герой получал строгую инструкцию: у него ровно три минуты на то, чтобы изложить свою позицию, и двенадцать – на дискуссию с экспертами.

В итоге вечером, 7 сентября 2001 года, Формат «родился», и я представил его так: «В прямом эфире “Свобода слова” – программа, в которой свободу слова ограничивают время и я, Савик Шустер».

Осознавая, что в студии нет аудитории, отражающей точную картину населения Российской Федерации, а есть только «набросок» ее демографии, мы поначалу делили людей на две группы в зависимости от их ответа на главный вопрос программы. Например: «Вы за сближение России с НАТО?» Реакция на ход дискуссии тех, кто был «за», отражалась на экране синей кривой, а кто «против» – красной.

Модерировать такую программу было сложно, ведь на мнение аудитории я мог опереться только в исключительных случаях: например, если «красные» внезапно поддержали сторонника сближения с НАТО или «синие» вдруг согласились с его противником.

Через полгода мы решили делить аудиторию, говоря языком социологов, на две страты². Например, на гражданских и военных, как в программе с Ходорковским, или в зависимости от темы обсуждения – на мужчин и женщин, либо на поколения – до 35 и старше. Внутри каждой страты гостевые редакторы все равно пытались соблюсти четыре базовых социологических критерия. С таким делением стало проще работать в прямом эфире. Реакция

² Страта (от лат. *stratum* – слой, пласт) – элемент социальной структуры (социальный слой или группа), объединенный неким общим общественным признаком. Это может быть один признак – пол, возраст, уровень дохода, уровень образования, область интересов, место проживания и т. п., или сочетание нескольких признаков (характеристик).

страт была очень живой, там постоянно что-то менялось, я мог в любой момент обратить на это внимание зрителей и главных героев и одним жестом изменить ход программы. Так я научился много наблюдать и мало говорить. За меня говорил Народ, причем делал это громко с помощью пульта и «свободного микрофона»: в конце эфира зрители, желающие высказаться, выстраивались возле микрофона в очередь и подводили итог программы. Чаще всего звучал неутешительный вердикт для власти.

Несмотря на очевидные недостатки в социологической достоверности Формата, его рейтинги и влияние росли от пятницы к пятнице.

На второй год жизни «Свободы слова» руководство НТВ попросило продлить программу на пятнадцать – двадцать минут, чтобы побить по рейтингу информационную программу «Время» на самом массовом Первом канале. Между собой мы так и говорили: «Нужно убить “Время”». Нам это удалось.

Юный Формат напугал Кремль

Несомненно, высокие рейтинги – это популярность, а популярность политической программы конвертируется во влияние. Такую конкуренцию российские власти считали опасной.

В среду, 19 марта 2003 года, заместитель главы администрации президента Путина и «архитектор» политики на Северном Кавказе Владислав Сурков пригласил меня поужинать в милом французском ресторанчике неподалеку от стен Кремля.

Доверенное лицо Путина, Сурков, просто так встречаться не станет. Я понимал, что у него ко мне крайне важное дело.

– Не мешай провести референдум. Не расшатывай основы государства, – в располагающем тоне, без намека на угрозу произнес он.

– Как может телевизионная программа, которая длится полтора часа, расшатать основы тысячелетнего государства? – без намека на иронию ответил я.

Все стало очевидно. Через четыре дня, в воскресенье, 23 марта, Чечню ждал конституционный референдум с целью передачи абсолютной власти в республике отцу и сыну Кадыровым.

Сейчас же автор самой идеи сидел напротив меня. Как можно помешать проведению референдума, результаты которого уже были написаны? Только одним способом: поставив под сомнение целесообразность чеченского референдума и его последствий всякий раз, когда появлялся информационный повод. Я делал это, как только мог. Кремль долго терпеть не стал: летом 2004-го программу закрыли. Через три месяца российские телеакадемики присудили несуществующей программе авторитетную награду «ТЭФИ» в номинации «Лучшее ток-шоу года», а телевизионные критики вручили премию с проникновенным названием «За свободу слова, которая была».

В лучших традициях КПСС меня повысили, чтобы убрать. Назначили заместителем генерального директора канала по документальному кино, которого, по сути, не существовало. НТВ к тому времени интересовали исключительно криминал, скандалы да заказные темы. В таких случаях доставляет особое удовольствие раздражать служака, чем я и занимался: купил за 95 тысяч долларов проникновенный документальный фильм-фэнтези о драконах, перемонтировал и переозвучил трогательный фильм-документ Миры Тодоровской «Жена Сталина», нашел на полке маленькой калифорнийской продюсерской фирмы ленту об агентах Ватикана, заброшенных на территорию оккупированной нацистами России, организовал из Ватикана прямую трансляцию исторического концерта ансамбля народного танца Игоря Моисеева в честь Иоанна Павла II. «Красная армия в Ватикане» – такой заголовок показался мне очень экстравагантным. Я сам комментировал концерт, в результате чего получил очередной ярлык: «Агент Ватикана».

Затем сделал документальный фильм «Восемь с половиной Евгения Примакова», к его 75-летию, о восьми с половиной месяцах его премьерства после дефолта 1998 года. Записал восемнадцать часов интервью с Михаилом Горбачевым для четырехсерийного фильма Василия Пичула «Страсти по Горбачеву». Убедил профессора Евгения Чазова, человека из Книги рекордов Гиннеса, лечившего, как минимум, четырнадцать мировых лидеров, рассказать мне подробности историй болезни всех первых лиц для цикла «Тело и власть», который пока никто не увидел.

И последнее. Мне удалось убедить руководство НТВ купить права на формат *BBC The Great Britons* («Великие британцы»), в котором народ в течение целого сезона выбирает самого великого человека в своей истории среди живых и мертвых. Я продолжал мечтать о возвращении к социологии в прямом эфире и о том, чтобы понять Россию умом. Проект «Великие россияне» стал бы уникальным, потому что, в отличие от политических выборов, где в основном пожилые выбирают власть для молодых, в этом проекте молодежь могла мобилизоваться, создать инициативные группы и дать оценку прошлому страны.

Только я успел уговорить Никиту Михалкова, Андрея Кончаловского и Валентину Терешкову принять участие в этом мероприятии национального масштаба, как узнал, что мне не продлевают вид на жительство и разрешение на работу. Думаю, на это решение властей повлияла и моя последняя затея. В Великобритании в таком проекте победил Черчилль, в Германии – Аденауэр, во Франции – де Голль, основоположники трех послевоенных демократий, которые образуют ядро современной Европы.

А кто победил бы в России? Живой Путин? Может быть. Мертвый Сталин? Более вероятно. Такая конкуренция Кремлю не нужна.

В начале апреля 2005-го интуиция повела меня в новый офис Бориса Немцова, которого только что назначили председателем совета директоров одного из банков. Мне это показалось смешным – я мог представить себе Немцова кем угодно, только не банкиром. Посреди серого бездушного кабинета – жизнерадостный Боря. Я поздравил его с новой должностью и поделился последними новостями: контракт на НТВ не продлили, разрешение на работу тоже. Оказалось, он только что вернулся из Киева, где встречался с Виктором Пинчуком, который очень хочет пригласить меня работать на своем канале *ICTV*. Кто такой Виктор Пинчук, я представлял плохо, слышал только, что он вроде бы приходится зятем бывшему президенту Украины Леониду Кучме. И все. Пока рылся в своей памяти, Боря набрал его номер и договорился о нашей встрече в Киеве.

Так буквально за секунды в очередной раз перевернулась моя жизнь. Через несколько дней я собрал свои вещи и вылетел в Украину.

Киев. Я учу восьмой язык

Так мы с Форматом оказались в Киеве. Я очень надеялся, что он приживется в новой культуре и что массовый зритель его примет. Вера Кричевская приехала, построила студию и вернулась в Москву. А мы с Форматом остались. Первое, что мне предстояло сделать, – это выучить украинский язык. Моим учителем стала дочь легендарного борца за независимость Украины Левка Лукьяненко³, Ирина. Наш первый урок начался с пения «Червоной руты». Потом с Ириной и моими детьми Сарой и Стефано мы совершили путешествие по западу Украины. Я впитывал мелодичность украинского языка. Меня покорили его грациозность и богатство. Но за все эти годы я не стал вести программу на украинском. Почему? Мое отношение к украинскому такое же, как и к французскому. Я жил и работал в Париже, с друзьями и коллегами до сих пор общаюсь на французском. Но когда нужно выступать публично – говорю на английском. Не хочу искажать себя и портить язык. Я говорю и читаю на украинском, но в профессии предпочитаю русский ровно по тем же причинам. Для меня и русский-то не родной, а приобретенный язык. Мой родной – литовский, однако кочевая жизнь по всему миру заставила выучить еще семь языков.

Когда я пришел на радио «Свобода» в Мюнхене в 1988-м, меня даже пытались уволить за незнание русского языка. Но рядом со мной работали живые классики, русские писатели-диссиденты, «под надзором» которых я быстро его выучил. Первым рабочим языком у меня был английский, вторым – итальянский. На них я боролся за право стать журналистом. А за десять лет работы в Москве третьим рабочим стал русский.

В Украине я отстаивал свободу слова на русском языке, и высокие рейтинги программ говорят, что вся страна меня понимала. Это особенно раздражало нескольких непримиримых националистов, счи-

³ Левко Лукьяненко (род. в 1928 г.) – украинский диссидент, политик, общественный деятель. Один из основателей Украинской Хельсинкской группы. В 1961 году был приговорен к расстрелу за антисоветскую агитацию и пропаганду. Позже высшую меру заменили длительным заключением. Провел в заключении двадцать семь лет. Автор Акта о независимости Украины.

тающих себя интеллектуалами. Но почему-то не им, а мне пришло в голову осуществить проект «Великие украинцы».

Мне удалось сделать то, что запретили в России. Проект «Великие украинцы», длившийся шесть месяцев, получился неожиданно эпохальным, так как объединил страну в обсуждении прошлого. Прав был великий Джордж Оруэлл, когда сказал: «Тот, кто управляет прошлым, – управляет будущим. Тот, кто управляет настоящим, – управляет прошлым». А я добавляю: прошлым никогда не должна управлять власть. В этом – суть проекта «Великие украинцы».

На выборах великих позволено то, что запрещено на выборах обычных: можно голосовать сколько хочешь раз. В остальном как в учебниках по политологии: люди, особенно молодые, назовем их «энтузиастами», создавали инициативные группы вокруг своего кумира и убеждали страну голосовать за него. На протяжении многих недель в проекте лидировал Степан Бандера, но в последнюю ночь его опередили Ярослав Мудрый и Николай Амосов.

Стало очевидно: объединить запад и восток Украины вполне реально. Но для этого нужно начать с честной оценки поступков своих героев и не бояться, что кто-то из них может оказаться преступником. Необходимо найти бесспорных общих и значимых для востока и запада исторических личностей, написать новые, приемлемые для всей страны учебники истории на украинском и русском языках. Да, на двух языках, ведь народ, который говорит на двух языках, более конкурентоспособен.

На объединение страны придется потратить много энергии. Но для непримиримых националистов, считающих себя интеллектуалами, это слишком скучно.

Рождение «Всей Украины»

Через какое-то время после приезда я обнаружил, что Украина, в отличие от России, живет в одном часовом поясе. Это изменило судьбу Формата. Никто больше не поставит под вопрос его «среду обитания», и Формат отныне будет жить только в прямом эфире.

В России «Свобода слова» транслировалась по пятницам на европейскую часть страны, в других часовых поясах она шла в за-

писи в субботу вечером. Начальство постоянно упрекало меня в неуважении к зрителям Зауралья и уговаривало идти «живьем» только на Владивосток, а на остальные орбиты⁴ – в записи. Естественно, я категорически отказывался, понимая, что к московскому эфиру программа может оказаться совсем другой: из нее без моего ведома наверняка вырежут все острые моменты. Мы все-таки отстояли прямой эфир по московскому времени – революции всегда идут из столицы.

В Украине, в силу ее географии, прямой эфир – естественная «среда обитания» для всего ее телевидения. Что касается украинской политики, то если Формат станет «неудобным», его не лишат «среды», а просто закроют.

Если живой эфир для Формата – это воздух, то аудитория в студии – его вода. Один часовой пояс позволяет добывать «чистейшую воду»: благодаря тому, что из любого уголка страны человек добирался до Киева за одну ночь, мы могли получить в студии точный портрет украинского народа.

Но для этого аудиторию должны формировать не гостевые редакторы, а социологи.

Я обратился к украинской социологической школе. За двенадцать лет работы мы с учеными прошли долгий путь, накопили огромный опыт в области изучения общественного мнения и создали уникальную группу из нескольких десятков украинских социологов во главе с Натальей Гасаненко, к сожалению, слишком рано ушедшей от нас. Наталья может без преувеличения считаться настоящим столпом украинской социологии.

Формат и наука

На научном языке принцип формирования аудитории называется так: всеукраинская стратифицированная многоступенчатая квотная выборка. На бытовом языке это означает следующее: записаться невозможно, вы попадете на программу, только если вас выберут

⁴ Орбита – в российском телевидении так называется трансляция телевизионного канала на один или на два соседних часовых пояса.

наши социологи. Все граждане Украины имеют равные шансы оказаться в студии.

Аудитория формируется на основании последней всеукраинской переписи 2001 года и по четырем базовым социологическим критериям: полу, возрасту, региону и типу проживания (город или село). Мы решили, что аудитория будет состоять ровно из ста человек. В эфире я буду называть ее «Вся Украина» и скажу, что она отражает мнение и позицию всей страны.

Конечно, мы говорим только о тенденциях, о том, как меняется отношение народа к разным проблемам и политикам. Но все же мы можем утверждать, что отношение «Всей Украины» точно передает мнение жителей страны при двух обстоятельствах:

- Первое. Когда разница между «за» и «против» превышает 25%. К примеру, если 63% аудитории – «за» или «против» Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, иными словами, две трети – «за», или две трети – «против», тогда у меня есть право утверждать в эфире, что большинство украинцев поддерживают соглашение. Или наоборот.

- Второе. Когда у нас накапливаются данные ответов на один и тот же вопрос в течение четырех последних программ. Четыреста человек – это необходимый минимум для социологической выборки. До начала программы наши зрители всегда заполняют подробные анкеты, в которых отвечают на вопросы о своих политических предпочтениях и личных ценностях. Данные, полученные в результате минимум четырех последних опросов подряд, полностью отражают общественное мнение Украины. Полученные таким образом цифры поддержки того или иного кандидата или партии во время предвыборных кампаний часто были более точными, чем масштабный национальный социологический опрос.

Вместе с социологами мы поняли, что «Вся Украина» таит в себе богатейшую информацию о населении страны. Поэтому разработали способ показывать в прямом эфире отдельно мнение мужчин и женщин, жителей запада, востока, юга и центра страны, четырех поколений, даже горожан и селян.

Формат рос и развивался. Если в России мы начинали с простых пультов и «колесиков», то со временем у каждого зрителя в украин-

ской студии появился персональный компьютер, на котором каждые восемь секунд прямого эфира он выражал свое отношение к происходящему. Вот поэтому в наш эфир так стремились и одновременно опасались попасть все политики – нигде больше они не могли узнать, что на самом деле о них думает Народ.

Сила Формата

Формат вырос в грозного воина за либеральную демократию. Нас боялись и боятся все враги открытого общества в Украине. Что это такое? Это – общество, в которое всякий стремится попасть, чтобы жить достойно и дышать свободно, а не «скотный двор» по Оруэллу, из которого все бегут или мечтают убежать.

В одной из программ до президентских выборов 2010 года я задал Януковичу вопрос: «Вы будете гарантом свободы слова?» – «Буду», – гордо ответил он. После выборов мы поставили его слова в качестве эпиграфа к программе, которую каждую пятницу смотрела страна. Сразу «прискакали гонцы» из Администрации Президента: «Уберите немедленно! Виктор Федорович недоволен».

Задаю практически тот же вопрос Порошенко в 2014-м. «Я с вами не согласен, но готов за вас умереть», – ответил будущий президент. Слова Януковича мы заменили цитатой Порошенко. Последствия оказались еще хуже – «гонцы» из АП передали прямой ультиматум: «Если хотите работать, уберите». Понимая, что «дашь палец, откусят руку», я не стал обращать внимания на угрозы, но отдавал себе отчет в том, что должен быть готов к расправе.

Разве такие президенты хотят строить в стране либеральную демократию? А может, Украине она и вовсе не нужна? Может, современная форма гетманства способна превратить аморфное народонаселение в конкурентоспособное общество? История «країни» и «Вся Украина» с этим не согласны из-за риска вернуться во времена Малороссии.

Первые два года на *ICTV* мы сохраняли роли «главных героев», сидящих в креслах. Каких только упреков от гостей студии не летело в адрес Формата: «Почему он в кресле, а я на стуле? Кто решил, что он главнее меня? Что за гетманщину вы устраиваете?» В итоге в

2007-м на «Интер» уже все выступающие герои программы сидели в креслах. Но не все выходили к центральному микрофону, так как Формат обязывал сохранять ролевые различия. Ожесточенная борьба за место у центрального микрофона путем угроз, ультиматумов и шантажа длилась все десять лет, вплоть до изгнания нас из Украины.

Если пословица «Где два украинца – там три гетмана» еще работает и уже несложно предсказать поведение шестого президента, то, может быть, «там» построить другую систему власти, такую, как у нас в студии во время эфира, где народ не говорит, а прavit?

Рядовой украинец не считает ядерных боеголовок и не мечтает войти в «Большую семерку» и сделать ее «восьмеркой». Он хочет войти в «средний класс». Ему нужна власть, которая будет служить и помогать добиться этой цели, но он не знает, как такую власть нанимать. Мы с Форматом пытались научить его, но не успели завершить обучение. А пока среднестатистический украинец поддерживает любой броский лозунг (до конца так и не разобравшись, что он означает) только потому, что ему обещают бесплатный «билет в рай». К тому же на выборах еще и деньги платят, чтобы он только взял этот «билет».

В 2010 году рядовой украинец проголосовал за Януковича, который обещал стабильность и мир в стране. Будущий Президент Украины не обещал, что поведет страну в Европейский Союз, но по неизвестным пока причинам, заняв высокий пост, решил показать Путину «кто в доме хозяин». Может, потому что Путин начал относиться к нему как к подчиненному, после того как Янукович с легкостью отдал России Севастополь, подписав Харьковские соглашения. В ответ на такое отношение Янукович взял и развернул Украину в Европу.

Большинство украинцев, даже среди его избирателей на востоке страны, поддержали новый курс. Европа манит своим благополучием. 23 апреля 2013 года в программе, которую мы посвятили предстоящему через шесть месяцев подписанию Соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, я задал «Всей Украине» совершенно непolitкорректный вопрос: «Если бы вам пришлось сидеть в тюрьме, какую бы вы выбрали: украинскую, российскую или тюрьму в стране Европейского Союза?» 82% хотели бы отбы-

вать тюремный срок в Европе, 9% выбрали украинскую тюрьму и столько же – российскую. Никого из политиков в студии подобный вопрос не возмутил и никто не призвал приближать украинские тюрьмы к стандартам Евросоюза.

Но больше всего в тот вечер меня впечатлила реакция «Всей Украины» на аргумент Виктора Медведчука, кума Путина, основателя и лидера движения «Украинский выбор», которое отчаянно боролось против соглашения с ЕС и за вхождение Украины в Таможенный союз. Медведчук говорил на языке XVII века и предупредил, что Украина стоит перед цивилизационным выбором между католическим Западом и православным Востоком. Согласно позиции Медведчука, а значит и Путина, Украина должна быть с Востоком. Его слова получили 70% поддержки «Всей Украины», а это, как вы понимаете, подразумевает, что большая часть жителей страны тогда согласилась с ним.

Мне стало ясно, что Кремль ломает Януковича, но я не понимал, как отреагируют люди, какой выбор они сделают в ситуации, когда тело хочет в Европу, а душа расколота между двумя храмами.

Через полгода Янукович нецензурно «послал» Европу, избил протестующих студентов, унизил Украину.

Люди ему этого не простили.